



Научная жизнь. Обзоры. Рецензии

УДК: 101, 111, 165.0, 167, 168

DOI: 10.15372/PS20250313

EDN: ZTHNZE

Л.Д. Ламберов

**НАЗАД К НАТУРАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ:
ОБЗОР КНИГИ П. МЭДДИ
«A PLEA FOR NATURAL PHILOSOPHY
AND OTHER ESSAYS»**

Статья представляет собой обзор сборника Пенелопы Мэдди «A Plea for Natural Philosophy and Other Essays» и содержит краткое изложение основных идей каждой статьи из данного сборника.

Ключевые слова: Мэдди; философия; логика; эпистемология; знание; наука; вторая философия

L.D. Lamberov

**BACK TO NATURAL PHILOSOPHY:
REVIEW OF PENELOPE MADDY'S
“A PLEA FOR NATURAL PHILOSOPHY
AND OTHER ESSAYS”**

The paper provides a review of Penelope Maddy's “A Plea for Natural Philosophy and Other Essays,, and contains a brief summary of the main ideas of the essays published in the mentioned book.

Keywords: Maddy; philosophy; logic; epistemology; knowledge; science; second philosophy

Книга Пенелопы Мэдди «A Plea for Natural Philosophy and Other Essays» [2] представляет собой сборник статей, написанных в период с 2010 по 2020 гг. Шесть из этих статей (3, 4, 7–10) были опубликованы ранее, остальные пять написаны специально для этого сборника. В целом же включённые в книгу статьи представляют собой развитие и уточнение концепции второй философии (или натуральной философии), которая была выдвинута автором ранее [3].

Книга содержит x+313 страниц и поделена на четыре части: (1) «Метод» (2 статьи), (2) «Скептицизм» (3 статьи), (3) «Логика и язык» (3 статьи), (4) «Математика» (3 статьи). Помимо 11 статей книга содержит введение, благодарности, общий для всех статей библиографический список и указатель.

Во введении даётся объяснение того, что включённые в сборник статьи представляют собой взгляд «второго философа», исследователя, придерживающегося «второй философии», разновидности *методологического* натурализма. При этом не предполагается, что существуют только физические, материальные или какие-либо другие объекты, предполагаемые наукой. Позиция методологического натурализма утверждает лишь, что «единственным надёжным способом выяснить что-либо является использование методов науки» [2, р. 1]. Второй философ является идеализированным персонажем, и его не следует смешивать с самой П. Мэдди. Автор исследует и описывает второго философа. Введение такого вымышленного персонажа необходимо по той причине, что, как утверждает П. Мэдди, научный метод «является движущейся целью; любая попытка зафиксировать его искусственно ограничит неотъемлемый продолжающийся процесс его расширения и коррекции» [2, р. 1].

Второй философ описывается П. Мэдди следующим образом: «он начинает с обычных перцептивных убеждений, постепенно переходит к обобщениям и продуманным экспериментам, с течением времени разрабатывает теории и различные техники подтверждения и опровержения, всегда возвращается к критике и улучшению набора своих убеждений и методов. До сих пор всё это вполне обычно, но его следует также понимать как неограниченного в интересе, энергии, изобретательности, во времени и ресурсах для исследования всякого

аспекта мира и нашего места в нём» [2, р. 1–2]. При этом П. Мэдди отмечает, что она сама лишь стремится быть таким вторым философом, но по понятным причинам таковой не является.

1. Название первой статьи является заглавным, оно вынесено в название всего сборника и может быть переведено как «Призыв в поддержку натуральной философии». Напомню, что термины «вторая философия» и «натуральная философия» употребляются П. Мэдди по отношению к разрабатываемой концепции синонимично. В этой статье она разъясняет основные методологические моменты её натуральной/второй философии и указывает, что второй философ гораздо ближе к философам Нового времени, чем к кому-либо ещё из истории философии. Второй философ опирается на здравый смысл и использует достижения наук для уточнения своих познавательных способностей. При этом второй философ занимается философскими проблемами только в той мере, в какой они оказываются важными для дальнейшего развития науки. Например, для учёных, исследующих зрение, вопрос об онтологии цвета (о существовании цвета, форме его существования и т.д.) оказывается совершенно нерелевантным. Задача такого исследователя – объединить три вида феноменов (визуальные стимулы, состояния нервной системы и осознанные перцептивные состояния). Вопросы о том, где и в какой форме существует цвет, тождествен ли он какому-то из этих феноменов по отдельности, совокупно или с какими-то дополнительными компонентами, для исследователя не важны. Вопросы онтологии цвета – это чисто философские вопросы, которые никакого влияния на исследование «аспектов мира и нашего места в нём» не оказывают. По мнению П. Мэдди, философия стала «кресельным» исследованием сферы априорного после появления кантианского трансцендентального метода. С её точки зрения, И. Кант, решая скептическую проблему Д. Юма, отделил философию от натуральной философии и разрушил идеал философа-учёного, существовавший в Новое время. Вопросы посткантианской чистой (априорной) философии для второго философа (как и для любого учёного) сами по себе не важны, однако второй философ может исследовать трансцендентальный метод, в надежде найти в нём что-то полезное. Правда, вряд ли там что-то полезное

будет найдено. Тем не менее трансцендентализм И. Канта, по П. Мэдди, проигрывает натурализму и здравому смыслу Т. Рида, другого философа, пытавшегося решить скептическую проблему Д. Юма.

Во второй статье, «О вопросе реализма», П. Мэдди обращается к позиции реализма и рассматривает аргумент Куайна – Патнэма о неустранимости математики. С её точки зрения, этот аргумент не является достаточным для того, чтобы допускать существование математических объектов. Кроме того, в науке в принципе имеется достаточно большое число идеализаций (идеальный газ), допускаемых неточностей (континуальность пространства-времени), странных, «мистических» сущностей (волновая функция из квантовой механики), однако вряд ли кто-то всерьёз считает, что такие объекты реально существуют. При этом П. Мэдди не считает свою позицию инструменталистской и сравнивает её с конструктивным эмпиризмом Б. ван Фраасена и эпистемологическим инструментализмом К. Стэнфорда. В частности, по мнению П. Мэдди, после экспериментов Ж.Б. Перрена не признавать реального существования атомов нельзя. Однако, согласно последовательному разворачиванию *философских* концепций Б. ван Фраасена и К. Стэнфорда, второй философ находится вне «абстрактного» спора между реалистами и инструменталистами, который разворачивается не в лаборатории, а в аудитории для семинарских занятий по философии. У Ж.Б. Перрена до постановки его экспериментов имелись абдуктивные основания для принятия существования атомов (эффективная «работа» атомной теории в химии), а после экспериментов у него появились для этого более сильные основания («некоторый вид прямого контакта» с соответствующими сущностями). Как и инструменталисты, второй философ полагает, что абдуктивных оснований недостаточно для принятия существования соответствующих объектов, однако инструменталист спорит с тем, что никакого общего критерия для достаточности оснований нет, а для второго философа этот *чисто философский* вопрос оказывается нерелевантным, и внимание, с его точки зрения, следует сосредоточить не на нём, а на методологии конкретного исследования.

2. В статье «Юм и Рид» П. Мэдди обсуждает причины, которые привели Д. Юма от его натуралистского проекта к скептицизму

и «скандалу в философии». Она указывает на то, что причиной скептицизма стоит считать не теорию идей, как это в некоторых работах утверждает Т. Рид, а изначальную замкнутость методологии Д. Юма исключительно на содержании восприятия. По мнению П. Мэдди, если бы натурализм разворачивался в философии Д. Юма подобно тому, как его разворачивает Т. Рид, то никакого скептицизма бы не возникло. Важнейшее отличие позиции Т. Рида от позиции Д. Юма заключается в том, что для Д. Юма натуралистические основания не подлежат пересмотру и исправлению, тогда как, согласно Т. Риду, получаемые в ходе исследования природы и человека сведения позволяют пролить свет на функционирование наших органов чувств и определить условия надёжности наших чувственных способностей. Например, благодаря изучению оптики, геометрии и анатомии органов зрения мы узнаём, почему прямой стержень, погружённый частично в воду, кажется нам деформированным. Такое наблюдение не является основанием для скептицизма по отношению к зрению, но является источником для уточнения наших представлений о том, как зрение «работает», и какие условия необходимо учитывать, чтобы сведения, получаемые нами через органы зрения, были надёжны. Второй философ придерживается концепции здравого смысла и выстраивает свою натуралистскую концепцию в соответствии с концепцией Т. Рида.

Следующая статья, «Руки Мура», посвящена исследованию аргумента Дж.Э. Мура, изложенного им в статье «Доказательство внешнего мира». В соответствии с интерпретацией, которую предлагает П. Мэдди, этот аргумент направлен против скептицизма. Скептик требует, чтобы Дж.Э. Мур доказал ошибочность скептицизма «с чистого листа». Однако, как понимает и сам Дж.Э. Мур, это невозможно сделать. Нам требуется обратиться к нашим убеждениям о мире («Вот рука»), которые в этом случае играют роль обычного или ординарного основания для нашей убеждённости в существовании внешних по отношению к нашему сознанию предметов. Скептик, тем не менее, требует какого-то особого, экстраординарного основания, которое было бы основанием вообще для любого убеждения. Такое экстраординарное основание предъявить нельзя, это в принципе невоз-

можно, но это вовсе не означает, что обычное, ординарное основание оказывается опровергнутым, поэтому Дж.Э. Мур и указывает в своей статье, что в случае каких-то сомнений любой присутствующий может подойти к нему, осмотреть его руку, пощупать её и т.д., чтобы убедиться, что это настоящая человеческая рука. Требования скептика невыполнимы, нет общего экстраординарного основания для любого убеждения, однако для каждого убеждения в отдельности имеются свои собственные ординарные основания, которые скептику опровергнуть не удаётся.

Статья «Витгенштейн о петлях» представляет собой продолжение той же темы опровержения скептицизма, но уже в контексте дискуссии Л. Витгенштейна и Дж.Э. Мура («Я знаю, что это дерево» и т.д.). Работа Л. Витгенштейна «О достоверности» относительно недавно стала считаться основанием такого нового направления в философии, как «петлевая эпистемология» (hinge epistemology, термин предложила Анналиса Колива [1]). Петли представляют собой «необоснованные и необосновываемые допущения о всяком эмпирическом исследовании» [1, р. ix], без которых никакое исследование проведено быть не может подобно тому, как нельзя открыть дверь, если она не висит на петлях¹. В интерпретации П. Мэдди, сам Л. Витгенштейн не занимался никакой петлевой эпистемологией, но нельзя, однако, отрицать, что его размышления повлияли на возникновение этого направления. По мнению П. Мэдди, позиции Дж.Э. Мура и Л. Витгенштейна во многом схожи, несмотря на то, как Л. Витгенштейн критикует позицию Дж.Э. Мура. В интерпретации П. Мэдди, Л. Витгенштейн понимает, что скептик требует экстраординарного основания, которое бы выстраивалось «с чистого листа» и было настолько общим, что его было бы достаточно для отрицания скептической критики по отношению к любому нашему убеждению. Жест Дж.Э. Мура с поднятием одной, а затем второй руки вполне достаточен. Однако Л. Витгенштейн, с точки зрения П. Мэдди, желает показать, что «несчастный Мур» не понимает сомнение второго уров-

¹ Эту метафору использует Л. Витгенштейн в «О достоверности» [5] в пар. 341, 343; ср. также с пар. 655.

ня, не понимает, что скептик требует экстраординарного основания. По мнению П. Мэдди, Дж.Э. Мур вполне понимает это требование скептика, понимает, что не может предъявить какого-то экстраординарного основания, но понимает также и то, что это не подрывает ординарное основание для его убеждения в существовании его собственных рук.

3. В статье «Заметка об истине и референции» П. Мэдди обращается к основаниям логики и философии языка, говоря, что рано или поздно второй философ обязательно столкнётся с этой проблематикой, и поэтому требуется разъяснить, как эти проблемы будут решаться вторым философом. Концепция истины и референции, которую П. Мэдди предлагает второму философу, представляет собой разновидность дефляционизма. Другими словами, ни понятие референции, ни понятие истины не требуют какой-либо содержательной (в метафизическом отношении) теории и представляют собой лишь особые логико-лингвистические инструменты, позволяющие, например, формулировать обобщения. Помимо применения понятий референции и истины к уже известному языку, они могут применяться к неизвестному языку, в этом случае необходимо учитывать факты о говорящем, его окружение, контекст и цели перевода, что, правда, не делает набор утверждений об употреблении понятий референции и истины менее тривиальным. Однако П. Мэдди отмечает, что набор тривиальностей о референции и истине не позволяет объяснить эффективность коммуникации и употребления языка. Для этих целей она предлагает обратиться к предлагаемым М. Уилсоном понятиям директив (они понимаются как руководства к употреблению) и оснований (объективные обстоятельства, корреляция с которыми делает употребление эффективным). Эти понятия не являются метафизически нагруженными как понятия истины и референции, а потому вполне подходят для второго философа.

Следующая статья, «Философия логики», касается того, откуда у второго философа возникают представления о логике, если второй философ является убеждённым натуралистом. В этой статье П. Мэдди проводит параллели между позициями в философии математики и аналогичными позициями в философии логики: платонизмом, ин-

туиционизмом, формализмом, неплатонистским реализмом, индуктивизмом Дж.С. Милля, холизмом У.В.О. Куайна, натурализированным и обновлённым кантианством и т.д. Предлагаемая самой П. Мэдди концепция логики представляет собой неплатонистский реализм. Согласно этой концепции, логические законы выполняются в любой ситуации, включающей привычные нам физические объекты средней величины (а не, например, квантовые объекты, где некоторые законы логики рушатся), истинность этих логических законов основывается на том, что мы так эволюционно приспособлены к окружающему миру, что научились выделять в нём подходящие объекты, свойства и отношения. Законы логики кажутся нам априорными в связи с тем, что они «внедрены» в наше мышление эволюционным процессом. Правда, в такую эволюционно закреплённую рудиментарную эмпирическую логику не входит закон исключённого третьего, так как в окружающем мире мы не всегда можем обнаружить чёткие границы (между головастиком и лягушкой – пример П. Мэдди). Таким образом, в целях большей эффективности мы допускаем идеализацию, что позволяет нам говорить о чётких границах и предполагать закон исключённого третьего в качестве верного. Однако нам всегда требуется помнить о том, что классическую логику следует применять аккуратно, иначе мы сталкиваемся с парадоксами, подобными парадоксу кучи.

В статье «Вторая философия логики» П. Мэдди вновь обращается к тому, каким образом у нас, с точки зрения второго философа, формируется представление о логике. Благодаря успехам в ходе эволюционного процесса люди выработали представления об объектах, свойствах, отношениях и различного рода зависимостях, что в конечном счёте позволяет говорить о формальной структуре (привычного нам) мира и соответствующей ей рудиментарной логике. Экспериментальная психология и наблюдения за детьми позволяют указать, в каком возрасте появляется концепция постоянного внешнего объекта, имеющего границы, способность к сравнению внешних объектов, а также выделению критериев их тождества. Эволюционная успешность людей обусловлена тем, что они взаимодействуют в первую очередь с теми аспектами или фрагментами мира, которые демонст-

пируют такую формальную структуру. Упомянутые уже идеализации позволяют, если можно так выразиться, «сгладить» эту формальную структуру, постулировав наличие чётких границ между, например, обладанием и необладанием каким-то свойством (быть и не быть лысым) и т.д. В итоге рудиментарная логика дополняется законом исключённого третьего и концепцией материальной импликации. Хотя надёжность итоговой логической концепции оказывается ниже (она опровергается, например, указанием на нечёткие свойства), эта концепция имеет ряд существенных преимуществ (эффективность, простота и т.д.). Кому-то такая концепция логики может показаться неожиданной, так как в ней надёжность выводов является контингентной, а знание этой логики является априорным лишь в минимальной степени, однако она обосновывается натуралистическим образом.

4. Следующая статья, «Психология и априорные науки», касается логики и арифметики. Арифметика в концепции второго философа выстраивается подобно логике на эмпирическом основании. Правда, для полной арифметики требуется нечто большее, нечто, выходящее за границы конечного опыта. В конце концов, мы предполагаем, исходя из имеющихся арифметических знаний, что, например, не существует самого большого натурального числа, так как какое бы натуральное число мы ни взяли, к нему всегда можно прибавить единицу и получить большее натуральное число. Простые арифметические истины (например, $2 + 2 = 4$) являются, по мнению П. Мэдди, (логическими) истинами, схватывающими формальную структуру знакомого нам в обыденном опыте фрагмента мира. Однако арифметика не зависит от особенностей знакомого нам мира, который вполне может оказаться конечным. Предметом арифметики, если таковой вообще есть, с точки зрения П. Мэдди, является наше «интуитивное представление о рекурсивной последовательности потенциально бесконечной длины, интуитивное представление, которое имеется у нас, людей, благодаря свойственным нашему биологическому виду эволюционно выработанным лингвистическим способностям» [2, р. 250]. Другими словами, овладев языком, мы научаемся строить потенциально бесконечные выражения, постольку

мы понимаем, что та же самая формальная структура, наблюдаемая нами в знакомом нам по обыденному опыту фрагменте мира, может быть продолжена потенциально бесконечно. Тем самым второй философ, опираясь на эмпирические исследования человеческой психологии, очищает априорные науки (логику и арифметику) от нерелевантных философских фикций и ставит эти науки на стройный фундамент натурализма.

В статье «Существуют ли числа?» отмечается, что исследования в области арифметики, с одной стороны, очень похожи на исследования в других науках (это исследования объектов, их свойств и отношений; объекты арифметики подчиняются той же логике; в ходе исследований мы предпочитаем более общие утверждения более частным), а, с другой стороны, важным образом отличаются от них (объекты арифметики являются абстрактными; вместо наблюдения, эксперимента и эмпирической проверки теорий используются аксиомы, определения и доказательства). И те, кто обращает больше внимания на сходства арифметики с другими науками, склонны принимать существование объектов арифметики, используя, например, аргументацию в духе Куайна – Патнэма о неустраимости. Однако те, кто больше внимания уделяет различиям, чаще склонны утверждать, что вопросы истины и существования являются посторонними по отношению к арифметическим исследованиям. При этом исследователь, стоящий на наиболее распространённых в методологическом отношении философских позициях, будет полагать, что в споре этих двух сторон *имеется один правильный* ответ. С точки зрения П. Мэди, обе указанные точки зрения описывают одно и то же, а имеющимися философскими различиями следует пренебречь. В этом отношении П. Мэди занимает позицию весьма схожую с излагаемой Х. Патнэмом в его статье «Математика без оснований» [4], в рамках которой тот, используя идею об «эквивалентных описаниях» Г. Райхенбаха, говорит о том, что один и тот же математический факт может быть описан как реалистским способом («математика как теория множеств»), так и дедуктивистским способом («математика как модальная логика»).

В заключительной статье сборника, «Усовершенствованный дедуктивизм»², П. Мэдди подробно разворачивает свою текущую (за свою карьеру П. Мэдди перешла от реализма в философии математики к натурализму) философию математики, которой, как она предполагает, придерживался бы второй философ. Эта концепция представляет собой разновидность дедуктивизма. Под дедуктивизмом П. Мэдди подразумевает точку зрения, что *современная* математика представляет собой исследование того, что из чего следует. При этом математика до XX в., находившаяся в теснейшей связи с физикой и другими конкретными науками, конечно, не подлежит объяснению с дедуктивистской точки зрения. В своей статье П. Мэдди рассматривает основные возражения по отношению к дедуктивистской философии математики, даёт на них ответы и демонстрирует, как с дедуктивистской точки зрения можно представить метаматематику. Одним из таких возражений является требование объяснить, почему в качестве аксиом некоторой данной математической теории берутся такие-то и такие-то положения, почему, например, ZFC с аксиомами больших кардиналов (ZFC + LC) предпочтительнее, чем ZFC с конструктивными множествами К. Гёделя (ZFC + V = L). Реалист может обратиться к истинности в смысле соответствия, однако для дедуктивиста этот путь закрыт, ведь для него никаких математических объектов нет, а математика сводится к изучению дедуктивных отношений между утверждениями. Согласно П. Мэдди, дедуктивист может ответить на это возражение указанием на то, что принятие ZFC + LC предпочтительнее, так как в этой теории, во-первых, можно получить больше интересных следствий, а, во-вторых, большие кардиналы сохраняют все структуры $V = L$ (в рамках теории внутренней модели L), тогда как конструктивные множества не сохраняют структуру больших кардиналов. Таким образом, с точки зрения П. Мэдди, в математике сохраняются и развиваются те теории, которые имеют более интересные следствия.

² Термином «дедуктивизм» здесь переведён термин «if-thenism». О терминологических нюансах и связи дедуктивизма и if-thenism'a П. Мэдди говорит в начале своей статьи.

В целом книга представляется весьма освежающей и даже освобождающей. Освежающей для тех, кто погряз в бесконечных философских дискуссиях, прогресс в которых ни капельки не заметен, а освобождающей в связи с тем, что, оказывается, отвечать на некоторые назойливые и вечные философские вопросы вовсе и не обязательно. Очень хотелось бы вместе с П. Мэди заявить «Назад в Новое время!», но так ли просто это будет осуществить?

Литература/References

1. *Coliva A.* Extended Rationality. A Hinge Epistemology. London: Palgrave, 2015. 232 p.
2. *Maddy P.* A Plea for Natural Philosophy and Other Essays. N.Y.: Oxford University Press, 2022. 323 p.
3. *Maddy P.* Second Philosophy: A Naturalistic Method. N.Y.: Oxford University Press, 2007. 462 p.
4. *Putnam H.* Mathematics without Foundations // The Journal of Philosophy. 1967. Vol. 64, No. 1. P. 5–22.
5. *Wittgenstein L.* On Certainty / Ed. by G.E.M. Anscombe and G.H. Von Wright. Oxford: Basil Blackwell, 1969. 90 p.

Информация об авторе

Ламберов Лев Дмитриевич – Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (620002, Екатеринбург, пр. Ленина, 51).

lev.lamberov@urfu.ru

Information about the author

Lamberov Lev Dmitrievich – Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (51, Lenina av., Yekaterinburg, 620002, Russia).

lev.lamberov@urfu.ru

Дата поступления 14.06.2024.
Принята к публикации 01.09.2025.